

Дебютировал он прекрасно. После выпускного спектакля среди актеров Вахтанговского театра пронесся слух: явился новый Щукин. Пророчество оказалось крылатым...

Кажется, это было только вчера: и волнение перед первым выходом на сцену, и чуткая тишина зала, и аплодисменты — гулкие, как удары сердца. Но с тех пор прошло уже целых тридцать лет, и сегодня Михаил Ульянов уверен — чван высокими титулами, почетными наградами и поистине всенародной любовью.

Но его путь к признанию и высотам мастерства не был прямым, и уж во всяком случае легким. Он всю жизнь боролся: с похлостью ролей, которые грозили стать ампулой, с традициями, которые закаливали в унылые догмы, с однокрасочными героями, в существование которых никогда не верил.

Актерская профессия бывает и безжалостной, и коварной, и Ульянов испытал эту чашу до дна. В первые годы ему предлагали «голубые», безмятежные роли, в которых нужна была только его сибирская стать, его крутой профиль, его волевая власть. Но он взрывал безмятежность своих героев отчаянным темпераментом, он наполнял схемы живым биением человеческих страстей. В резкий контур социальных героев он привносил и глубину чувств, и душевную тонкость, и лирическую откровенность. Колыванов в фильме «Они были первыми», Рассохин в «Балтийском небе», Кайтанов в «Добровольцах», Каширин в «Доме, в котором я живу» — это были подступы к главным ролям, в которых творческие задачи оказались равновеликими возможностями актера.

Еще задолго до дискуссий о «деловом человеке» Ульянов сыграл Бахирева в «Битве в пути». «Человек со стороны», главный инженер крупного завода, Бахирев с титаническим упорством вгрызался в дело, в работу, видя в честном труде и цель жизни, и ее благо. С неистовством бросался он в битву против показухи, против демагогического вранья, против равнодушия к делу, которому служишь.

А потом был «Председатель» — резкий, фанатичный, страдающий и неуступчивый Трубников. Только что прошла по земле война, она выжгла людские души, посеяла страдание, боль и неверие, что можно изжить это горе, залечить кровоточащие раны. Голод валит с ног баб и детей, земля лежит бесплодная и сухая, как целина. Но надо жить. Жить! Спасение и исцеление — в работе. Надо рвать жилы в пре-

дельной самоотдаче — иначе смерть. Рыцарь идеи, фанатически преданный людям, Трубников бывает порой жесток и несправедлив, но высоту спроса с окружающих он оплачивает высотой спроса с себя. Умирает ребенок, рушится личная жизнь, но надо работать, чтобы спасти деревню и спасти от отчаяния самому...

Этой работой, отмеченной и тонкостью рисунка, и социальной определенностью, Ульянов опрокинул бытовавшие

плечи тяжелую ношу и тянуть, тянуть, пока хватит сил.

В этой роли в очередной раз проявилось важное качество Ульянова — в каждом, даже самом на первый взгляд стандартном характере он ищет и находит уникальные черты. Он подходит к герою, словно видит его впервые, словно в памяти нет осязаемых веками традиции, как нужно играть тот или иной образ. Каждая роль для Ульянова — это поистине «езда в неизвестное», предельное испытание своих возможностей за той чертой, где «поднять» характер ему уже, кажется, не по силам. Но он берется за дело, и рядом с героями, крепко стоящими на земле, которых Ульянову играть написано на роду, он создает роли комедийные, трагические, роли отрицательных персонажей, роли классического репертуара. Всегда впер-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ВСЕГДА ВПЕРВЫЕ

В МИНСКЕ ПРОШЛИ ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА НАРОДНОГО АРТИСТА СССР
ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ МИХАИЛА УЛЬЯНОВА

представления о положительных и отрицательных героях. Правда актерского создания оказалась шире простого баланса положительных и отрицательных качеств — это была правда трагического характера, рожденного сложным временем. Время создало такого героя, в неистовстве и испепеляющей страсти которого люди черпали веру и надежду. Роль Трубникова — вершина в творчестве Ульянова. Вершина, но не итог, а исходная точка нового пути...

Годы спустя, в спектакле «День-деньской» ему опять выпало сыграть руководителя, в котором просматривалась творческая родословная от Бахирева и Трубникова. Но Ульянов «прокрутил» роль обратным ходом, и принадлежность Друнова к этим героям возникла как результат, но не как изначальная данность. Друнов выходил на сцену — мятый, sereneкий, нескладный, близоруко щурился, что-то невразумительно мямлил, что-то настырно объяснял кому-то. Ни дать ни взять — опереточный персонаж. Но постепенно в этом нетипичном, странном директоре вызревали черты талантливого руководителя, чрезвычайно мягкого и мужественного человека. Мужественного своим непоказным героизмом, умением взвалить на

выше — и в экранизации романа Достоевского он играет Митеньку Карамазова, у которого «душа сорвалась с петель» и бунтует против мерзостей жизни, постепенно в них же погрязая. Всегда впервые — и он выходит на сцену в образе Ричарда III, показывая его не всемогущим демоном, как истари повелось на сцене, а таким травоядным ничтожеством, задышающим от злобы и ненависти. Всегда впервые — и Ульянов вступает в творческую полемику со Щукиным, прочитывая на экране образ Егора Булыча по своему. Всегда впервые — и Ульянов со щедрой расточительностью играет такие непохожие роли, как начдива Гулевого в инсценировке «Юнармии» и безглагольного генерала Чарноту в экранизации романа М. Булгакова, шенкспировского Антония в спектакле Вахтанговцев и маршала Жукова в эпопее «Освобождение», кристально чистого Сергеева в спектакле «Иркутская история» и матерого рецидивиста Прохорова в фильме «Стучись в любую дверь». Но и этого Ульянову показалось мало, и после трагедийных ролей в театре он ставит фильм «Самый последний день», где играет лейтенанта Ковалева — тишайшего человека, который свой самый последний день на земле провел в раздумьях о совести, чести, порядочности, на которых держится мир.

Недавно в театре Ульянов инсценировал роман В. Шукшина «Я пришел дать вам волю». И вновь постановка вызывает споры своим нетрадиционным подходом к образу главного героя.

— Конечно, — говорит Ульянов, — можно было сыграть Разина, как былинно-эпического

героя, пришедшего из легенд, песен, сказаний. Кстати, именно таким его и нарисовал писатель Чапыгин. Конечно, можно было создать образ Разина — бесстрашного вожака восставших крестьян, рыцаря без страха и упрека. И таким он предстал в книге Злобина.

Но Разин был другой. На мой взгляд, Шукшин хотел познать крестьянскую натуру Разина во всей его сложности, противоречивости и... ограниченности. Ведь что-то было в Разине такое, что не позволяло ему перевернуть Россию. Воля — волей, но что с ней делать, он не знал... Разин поднялся против несправедливости и, не зная, куда идти, часто несправедливость же творил. Мне кажется, что в таком подходе к образу легендарного героя есть и трагический накал, и историческая перспектива.

Постановка романа Шукшина, подготовка к инсценировке знаменитого произведения Р. Роллана «Кола Брюньон» — таким предстает на сегодня Ульянов, который, набрав высоту творческого взлета, не устает поражать зрителей гранями своего могучего, непредсказуемого таланта...

Л. ПАВЛЮЧИК,
корр. «Знамени
юности».

Фото И. ОБРОВЦА.

31 ЯНВ 1980

«ЗНАМЯ ЮНОСТИ»

г. Минск

237